

Глава 7

Лишить жизни можно одним ударом, но лишь медленная пытка тупым ножом причиняет истинную боль.

Ван Хунло и Юй Янь прекрасно знали о том, что произошло утром. Им было известно, что Дунхэ Юй столкнул кузена в воду якобы случайно. Но то, что творил Си сейчас, было самым что ни на есть преднамеренным актом.

Если бы это была простая месть — окунуть обидчика в воду разок-другой, чтобы тот познал страх смерти, — это можно было бы понять. Но Дунхэ Си сейчас пребывал в состоянии истерии, а к безумцам нельзя подходить с мерками здравого смысла.

Пока юноша просто тыкал Юя лицом в пруд, женщины могли спокойно наблюдать за представлением, утешая себя мыслью, что он не собирается убивать брата, а лишь воздаёт ему по заслугам.

Однако теперь, когда Си погрузил пленника в воду целиком, они больше не могли оставаться в стороне. Смерть в стенах поместья, да ещё и от рук своего же родственника — это пятно на репутации семьи, которое невозможно смыть.

Раньше, во время приступов Си-гэ'эра, трагедий не случалось лишь потому, что рядом всегда находился кто-то, способный вовремя его остановить. Но нынешний Дунхэ Си лишился памяти, и женщины не решались гадать, возымеет ли над ним власть авторитет Старого господина и Старой госпожи.

Судя по его движениям, он не стремился к убийству. И всё же им нужно было вмешаться, хотя бы для вида. Когда вернутся мужчины, они не должны иметь повода для упрёка в их бездействии.

Ведь сейчас в поместье Дунхэ последнее слово оставалось за Старшим господином.

Почувствовав, что к нему приближаются двое, Дунхэ Си даже не удостоил их взглядом.

По правде говоря, из всех обитателей поместья он мог опознать лишь Дунхэ Юя, который сам пришёл за расплатой, да Старшую тётушку, чьё отчаяние при спасении сына выдало её с головой. Остальные родственники были для него безликой толпой.

Мо Шу и Мо Янь, конечно, пытались просветить его, но в этом мире не было фотографий, по которым можно было бы составить чёткое представление о каждом члене семьи.

Заметив, что подошедшие женщины не спешат ему мешать, Си снова вытянул Юя из воды.

Законы этого мира карали за убийство, и он не собирался по-настоящему лишать кузена жизни. Юноша лишь возвращал долг, попутно преследуя собственную цель.

Ничего личного.

Судьба Дунхэ Юя его не заботила — лишь бы не испустил дух прямо сейчас. А уж при его-то способностях Си не даст ему умереть, даже если тот очень захочет.

Пусть помучается.

Тот, чей облик Си занял, заплатил за это своей жизнью. И какая разница, было ли то падение случайным?

В памяти всплыл момент пробуждения: в саду тогда были только верные Мо Шу и Мо Янь да пара гэ'эр-слуг, которых они привели на помощь. Больше — никого. Нетрудно догадаться, чьих рук это было дело и кто бросил несчастного умирать.

Так что любые терзания, которым он сейчас подвергал обидчика, были лишь скромной платой по счетам.

Дунхэ Си опустил веки, скрывая в их тени холодную решимость. Юй в его руках уже едва хрипел, воздуха в его лёгких почти не осталось.

— Си-гэ'эр, — мягко окликнула его Ван Хунло, — не стоит доводить до крайности. Если случится непоправимое, ты не сможешь добиться своей цели.

Наблюдая за происходящим, Хунло давно поняла: Си действует не в слепой ярости. У него был план. Каков он — она пока не могла разгадать, но в том, что юноша всё просчитал, сомнений не оставалось.

«Всё-таки он сын У Ли и Дунхэ Цзюня, — с тихим вздохом подумала Ван Хунло. — Первые два года Старший господин опасался гнева Старого господина, Старой госпожи и юного Чжэня, но разве сам Си-гэ'эр не щадил их чувства точно так же?»

«Дунхэ Фэн и эта женщина, Цю Вань, ослеплённые властью, решили, что сироту, лишившегося защиты родителей и брата, можно безнаказанно травить»

«Они забыли, как У Ли железной рукой держал всё поместье Дунхэ. Забыли, как искусно он вёл дела среди знатных господ. Разве мог Си, воспитанный таким человеком, действительно оказаться беззащитным ягнёнком?»

Юноша просто дорожил тем немногим, что у него осталось.

А теперь, когда память его стерта, неизвестно, во что выльется эта его «истерия». И если всё обернётся прахом, винить им будет некого.

— Си-гэ'эр, — вступила в разговор Юй Янь, — тебе ведь ещё жить в этом доме. Не заходи слишком далеко, ведь в конечном итоге здесь всё решает твой дядя.

Юй Янь не обладала прозорливостью свекрови. Она не видела скрытых мотивов и верила, что Си просто мстит за утреннюю обиду.

Молодой человек вытащил окончательно обмякшего Дунхэ Юя из воды. Он брезгливо держал его на вытянутой руке, боясь, что грязная жижа, стекающая с тела брата, запачкает его одежды.

Юноша незаметно направил в тело Юя тонкую струйку энергии дерева — ровно столько, чтобы тот не скончался от шока.

Крепко сжимая ворот кузена, Си повернулся к женщинам. Его голос зазвучал чуть мягче:

— Кто вы такие?

До тех пор, пока они не вставали на сторону его врагов, Дунхэ Си был готов к мирному диалогу.

Ван Хунло, решив, что её слова подействовали, улыбнулась ещё искреннее:

— Я — боковая супруга твоего дяди, можешь звать меня Второй матушкой. А это супруга твоего старшего брата Дунхэ Фэя, твоя невестка.

Юй Янь приветливо кивнула.

Ван Хунло мельком взглянула на Цю Вань, которую слуги уже подняли на ноги, хотя та продолжала стонать от боли. Снова повернувшись к Си, она вполголоса произнесла:

— Твоя тётушка души не чает в Юй-гэ'эре. Не стоит больше бросать его в пруд. Сейчас лишь начало лета, вода холодная. Если с ним что-то случится, она тебе жизни не даст.

Заметив, что, несмотря на холодное выражение лица, юноша внимательно её слушает, Хунло продолжила ещё ласковее:

— Твои дедушка с бабушкой в последнее время чувствуют себя немного лучше. Хотя сейчас в поместье всем и заправляет твой дядя, старики всё ещё живы. Если у тебя есть беда, иди к ним. Расскажи им всё, что случилось сегодня. Они всегда любили внуков, а теперь, когда ты остался совсем один, их сердца ещё больше смягчатся.

Юй Янь поспешно добавила:

— Старый господин и бабушка всегда были к нам добры. Поговори с ними. Даже отцу придётся прислушаться к их слову.

Выслушав их, Дунхэ Си погрузился в раздумья. Его взгляд скользнул по лицам женщин.

Он прекрасно понял их намек.

В памяти всплыл обрывок воспоминаний прежнего владельца тела: он случайно услышал, как дядя Дунхэ Фэн планировал выдать его в качестве наложника какому-то префекту. Юноша тогда бросился к старикам, умоляя о разделе семьи, чтобы получить свободу.

Но дядя быстро пресёк эти попытки, заявив, что гэ'эр не может распоряжаться собой, и старики, раздавленные горем после смерти сына, не нашли в себе сил спорить.

Слова этих двух женщин давали ему подсказку. Раньше бабушка с дедушкой были слишком слабы здоровьем и духом, чтобы вмешиваться. Но теперь, когда они пошли на поправку, стоит ему прийти к ним, разыграть роль несчастной жертвы, пролить пару слёз — и их жалость сделает своё дело. Даже если дядя будет против, законы сыновнего почтения свяжут ему руки. А если добавить к этому потерю памяти и приступ истерии, вызванные «случайным» падением по вине Дунхэ Юя...

Стратегия была проста: «плачущее дитя получает всё».

И вот здесь Дунхэ Си столкнулся с трудностью.

В его прежнем мире, мире конца света, действовал единственный закон: прав тот, чьи кулаки тяжелее. Если твоя способность сильнее, ты — закон. Обладатели способностей всегда имели право голоса.

До тех пор, пока ты не нарушал законы базы в открытую, тебе прощались многое — даже если ты избивал тех, кто рискнул тебя спровоцировать. А уж что происходило за стенами поселений, и вовсе никого не касалось.

Родители Си были высокоуровневыми мастерами. Он родился с пробужденной силой, вобравшей в себя всё лучшее от обоих. Несмотря на то, что его семья не стремилась к вершинам власти, мало кто решался переходить им дорогу. А если такие и находились, он

просто подавлял их силой.

Эта уверенность позволяла ему спокойно заниматься своим делом — выращиванием растений в теплицах базы. У него была опора, была мощь, и этого было достаточно для безопасности.

Будь он изнеженным сыном богатых родителей, возможно, он и научился бы капризничать и выпрашивать желаемое. Но его родители были сиротами, познавшими все тяготы выживания. Они учили его: только сила гарантирует жизнь. Слезы не вызывают жалости, они лишь провоцируют хищников. Слезы превращают тебя в игрушку, в жертву, которую будут топтать.

Всё, чему он научился — это отвечать на насилие ещё большим насилием.

Он умел думать, но не умел хитрить. Играть на чужой жалости было для него задачей почти невыполнимой.

Изначально его план был прост: схватить Дунхэ Юя, который был любимцем семьи, и, используя грубую силу и угрозы, заставить дядю согласиться на раздел семьи. А узнав о своей репутации «безумца», он лишь решил использовать этот образ, чтобы развязать себе руки.

Он и мысли не допускал о том, чтобы выставлять себя жалким. Подобная извилистая тропа совершенно не соответствовала его натуре.

Си на мгновение замер, взвешивая оба пути. Силовой метод был ему ближе, но если «роль жертвы» поможет быстрее достичь цели... Что ж, он мог попробовать. Вот только опыта в таких делах у него не было — возможно, стоило у кого-то поучиться?

Ван Хунло хотела было добавить что-то ещё, но заметила, что взгляд юноши устремился ей за спину. Она невольно обернулась.

Из глубины сада к ним спешили Дунхэ Фэн, Дунхэ Фэй и Дунхэ Юань. Мужчины, которые сегодня должны были заниматься делами в городе, внезапно вернулись домой в полном составе.

Заметив рядом со Старшим господином второго управляющего, Ван Хунло всё поняла.

Юй Янь с тревогой взглянула на Си, но тот оставался пугающе спокойным. Вспомнив его недавнюю расправу, она почувствовала, как её собственное беспокойство немного утихает.